

СТАТЬИ

ОЧЕРК В.Г. КОРОЛЕНКО «У КАЗАКОВ» В ДИСКУРСЕ РУССКОГО ОРИЕНТАЛИЗМА

Д.Н. Дюсенев

Ключевые слова: В.Г. Короленко, русский ориентализм, казахи-кочевники, «дети степи», империя, интеграция, цивилизаторская миссия.

Keywords: V.G. Korolenko, Russian orientalism, Kazakh nomads, “children of the steppe”, empire, integration, civilizing mission.

DOI 10.14258/filichel(2023)1-01

Произведение В.Г. Короленко в данной работе анализируется в рамках дискурса русского ориентализма, под которым мы вслед за П.В. Алексеевым [Алексеев, 2015, с. 39] понимаем систему художественного мышления, основанного на мифологизированном различии России, Запада и Востока. В результате данного различения — на основе западноевропейского ориентализма и в целях самоидентификации русской культуры — был «изобретен» собственный Восток, «конгломерат различных концепций, различных идей и дискурсов», способствовавших формированию национальной идентичности [Алексеев, 2020]. Целью данной статьи является рассмотрение на материале очерка В.Г. Короленко «У казаков» (1900) репрезентации образа Казахской степи и казахов-кочевников, выявление особенностей русского ориентализма рубежа XIX–XX века.

Л.Р. Скреминская, анализируя творческие искания В.Г. Короленко, отмечает, что писатель в силу закономерных процессов в общественной жизни и литературе не мог остаться в стороне от проблемы дихотомии «Запад — Восток» [Скреминская, 2003, с. 156]. Действительно, читая произведения В.Г. Короленко, мы видим, что в его творчестве немалую роль занимали идеи России и «русского мира», «своего» и «чужого», «западного» и «восточного», сохранения территориальной целостности империи с учетом ее этнографического многообразия. Впечатления В.Г. Короленко от поездки на Всемирную выставку в Чикаго в 1893 г. через Европу, по мнению В.Н. Крылова, ста-

ли основой для «размышления о двух образах мира — русском и американском, содержащие оценку темпов технического прогресса, идеалов свободы, уважения к личности, отношение к прагматизму, индивидуализму» [Крылов, 2015, с. 28].

Е.А. Макарова приходит к выводу, что на формирование религиозно-философской позиции В.Г. Короленко повлияли его юношеские мечты «пойти в народ», ему был близок «тип бродяги, романтического правдоискателя и протестанта». Несомненно, такие настроения нашли свое отражение в виде синтеза романтизма и реализма в литературных произведениях автора [Макарова, 2008, с. 49–50]. Н.С. Тишевская, анализируя «Сибирские рассказы и очерки» (1880–1904 гг.), приходит к выводу, что именно в период амгинской ссылки произошла концептуализация сибирского пространства в художественном творчестве В.Г. Короленко. Писателя интересуют взаимоотношения русских переселенцев и сибирских аборигенов, эволюция регионального самосознания населения Сибири [Тишевская, 2013]. Сибирские областники (Г.Д. Гребенщиков, А.С. Сорокин) сравнивали Сибирь с Америкой, так как осознавали свою «инаковость» и фронтирность по отношению к метрополии. У В.Г. Короленко тоже находим подобное сравнение: *«С последним свистком локомотива, с последним упорным столбом — конец Европе; отсюда вам придется уже вступить на тракт, с его ухабами и грязью, с его телегами и ямщиками, на эти дороги, где не перевелись еще лихие молодцы, поджидающие проезжих; где обозчики, как в Америке, идут вечно наготове к отражению внезапных нападений, с ружьями и револьверами»* (В.Г. Короленко. 1853–1921. Записные книжки). Записные книжки отражают «картину мира» автора, соотношение европейского и азиатского, периферии и метрополии: *«Перед нею (считая от Перми) стоит Европейская, а за нею Азиатская станция. Без этого обстоятельства путешественник рисковал бы перевалить в Азию совершенно незаметно. <...> Впрочем в административно-культурном смысле мы и теперь еще в Европе. <...> Не только этот город, но и чуть ли не все эти заводы превосходят населенностью и, пожалуй, оживлением свою скучную европейскую метрополию — Пермь»* (В.Г. Короленко. 1853–1921. Записные книжки). Таким образом, исследователи, часто прямо не называя подобные примеры проявлением русского ориентализма В.Г. Короленко, обращали внимание на проблемы противопоставления западного и восточного в творчестве писателя.

Д. Схиммельпэннинк ван дер Ойе в своей монографии отмечает: «У народов, со временем составивших русскую нацию, понятия „свой“ и „чужой“ сформировались на основе разделения между лесом и степью за-

долго до того, как у них появились представления о Востоке и Западе, Европе и Азии, христианстве и язычестве» [Схиммельпэннинк, 2019, с. 14]. Автор замечает, что на протяжении существования Руси степь концептуально связывалась с угрозой. Монастырские письменные источники повествуют о постоянном соперничестве между оседлыми земледельцами и азиатскими кочевниками. В монгольский период положительными моментами стали формирование института церкви как основного элемента русской национальной идентичности и светской политики Московского государства, которая была заимствована из Золотой Орды. При этом язык православного духовенства под влиянием антиисламского языка Византии формирует образ лукавых и коварных захватчиков. Однако в среде русской элиты наблюдалось бравирование азиатскими корнями (вымышленными и реальными), что свидетельствует об отсутствии у них расовых предрассудков по отношению к Востоку. Так формировался амбивалентный образ внутреннего Востока. При этом позднее (в сравнении с Западной Европой) формирование дискурсов национальной идентичности требовало маркеров самоидентификации, поэтому внутренний Восток (в частности — Степь) как концепт национального самоопределения совершенно не случайно появляется в русской литературе.

В.Г. Короленко в своей статье «Несколько мыслей о национализме» (1901) отмечает пробуждение чувства национального самосознания среди русской интеллигенции. Вступая в полемику с русскими националистами европейской части России, В.Г. Короленко обнаруживает существенные недостатки в их концепции, так как эта концепция формировалась под европейским влиянием, в соперничестве и стремлении занять свою нишу в рамках дихотомии «Восток — Запад». Например, вопрос «Что такое русский человек?» становится актуальным среди членов обществ «Русское собрание» и «Лига русского отечества». Писатель указывает на размытые понятия в концепции националистов. Так, в одном случае при определении «истинно русского» националисты ссылаются на «исконные творческие начала», прибегая к Священному писанию; в другом случае они ссылаются на *«туманную соборность»* и *«образцовое, по мысли и сердцу русского народа, государственное устройство — такое, во главе которого стоит свободный в своих решениях государь, внимающий и уважающий соборный голос свободного в выражениях своих мнений народа»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 3. Рассказы, 1903–1915. Публицистика. 1990. С. 240). Существенным недостатком, по мнению автора, является уклон к нездоровому патриотизму среди членов данного собрания: *«бретерствующий патриотизм не мо-*

жет признать своих недостатков, и опять по логике вещей очень скоро все особенности нашей жизни, уже потому, что они наши, признаются добродетелями, а чужие отличия — обращаются сплошь в пороки...» (В.Г. Короленко. Там же. С. 234). В.Г. Короленко признает молодость русской культуры, а предназначение печати видит в борьбе с предрассудками, высокомерием и в раскрытии потенциала, заложенного в обществе и народе. При этом он предостерегает от нездорового патриотизма и гипертрофированного национализма. В целом можно утверждать, что на подобные передовые взгляды автора повлияла не только поездка в Америку, но и знакомство с концепцией сибирских областников во время амгинской ссылки, которые предлагали альтернативный вариант развития национальной самобытности с учетом географического положения России и ее полиэтничного состава.

В 1900 году, после летних поездок в Казахскую степь (современная Западно-Казахстанская область), В.Г. Короленко публикует очерк под названием «У казаков». Писателя-народника заинтересовала незаурядная личность Емельяна Пугачева, сумевшего объединить под своим началом и призвать к восстанию различные этносы, обитавшие в Приуралье. Внимание В.Г. Короленко также привлекла «пестрая душа» уральских казаков, которые благодаря службе империи и православному вероисповеданию оценивались как успешно интегрированные «свои иные»: они представлены культуристорами, положительно сочетающими в себе русское и азиатское. Причем «азиатскость» обуславливается долгим пребыванием в степи с дикарями-кочевниками и несколько романтизируется в их стремлении к воле и жестокости: *«Эта коренная уральская старина сейчас стояла перед нами с ее своеобразной поэзией, с ее понятиями о широкой степной воле, понятиями странными, подчас полуазиатскими, за которые, однако, старое войско умело когда-то постоять грудью ...»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 472).

Рассматривая результаты межкультурной коммуникации, используя концепты «русскости» и русской национальной идентичности, В. Сандерленд полагает, что имперская политика русификации по отношению к «отсталым» аборигенам Востока иногда приводила к противоположным результатам: «не столько “инородцы” подвергались “обрусению”, сколько русские “обынородчивались”» [Сандерленд, 2005, с. 199]. Так, например, Н.М. Ядринцев связывал сибирскую идентичность с процессами культурного трансфера русских поселенцев с автохтонами: *«Врезавшись в среду инородческого населения, русские преимущественно обынородчивались по окраинам, и от окраин, в боль-*

шей или меньшей степени, влияние это распространилось на всю массу населения, так что инородческая кровь окрашивала русскую национальность даже там, где она не была в непосредственном соприкосновении с инородцами» (Н.М. Ядринцев. Сибирь как колония. 1889. С. 50–51). Подобное явление ассимиляции отражено в рассказе В.Г. Короленко «Сон Макара» (1885): «...сами они незаметно дичали. Женясь на якутках, они перенимали якутский язык и якутские нравы. Характеристические черты великого русского племени стирались и исчезали» (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 1. Очерки. 1989. С. 177).

Общеизвестно, что теория официальной народности С.С. Уварова опиралась на следующие три основы: «православие, самодержавие, народность». Православная вера и принадлежность к «русскому миру» сближала крестьян-переселенцев с казаками. Однако в их межсословных отношениях чувствовалось высокомерие со стороны казаков, которые осознавали свое превосходство из-за первенства в степи и приоритета военной кампании над переселенческой: «Мужик, не суйся промеж казаков ... Тебе тут не дело! <...> Вас мужиков мало ли! Дешевы. Подымать не стоит ...» (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 472). Интересны взаимоотношения уральских казаков со служивыми татарами. Несмотря на различие в вероисповедании, их сближают общая служба империи и положение субалтерна по отношению к Российской империи, что семиотически переводит казаков и татар в категорию «своих»: «О татарах отзывы были единодушны: — Такие же казаки, как и мы. Веру свою держат крепко, а в случае военного действия, хоть тут сам султан приходи, все на конь сядут, все в бой пойдут. — Товарищи нам настоящие. Вместе кровь проливали ...» (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 448). В.Г. Короленко, в свою очередь, с точки зрения всемирной исторической эволюции оценивает уровень цивилизованности по степени вестернизации общества в экономической, социальной и культурной сферах.

В процессе формирования дискурса русского ориентализма характерной чертой русской литературы XIX в. стало традиционное деление мира на цивилизованный Запад (Европа) и отсталый Восток (Азия); эпитеты *ленивая*, *сонная* использовались для указания культурной отсталости азиатских народов. В.Г. Короленко, так же как и другие российские писатели, не смог отойти от этого деления — в его сознании эта условная линия проходит по реке Волга: «*Степь тихо разворачивает перед нами свои дремотные красоты. Спокойная нега, тихое раздумье, лень ... Чувствуется, что вы оставили на том берегу Волги и торпливый бег поездов, и суету коротких остановок, и вообще ускорен-*

ный темп жизни. Тут на вас надвигается, охватывает, баюкает вас широкое степное раздолье, ровное, молчаливое, дремотное ...» (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 344). Таким образом, автор находится во власти сложившегося стереотипного представления о Степи как пространства, где отсутствует цивилизация (самодержавие, сословное деление и т.д.).

Казахская степь, как перекресток истории и место встречи Европы и Азии, но вместе с тем и как пространство внутреннего Востока, приводит к поиску сходств и различий. Это проявляется в имагологическом противопоставлении Казахской степи как созерцательной и экзотической части Азии и российской метрополии как рациональной и прагматичной части Европы. Автор употребляет устоявшиеся эпитеты в характеристике образа двух миров: «...ковыляли верблюды, мягко шлепая в пыль большими ступнями. На горбу одного из них сидел киргиз в полосатом стеганом халате, под зонтиком, и с высоты с любопытством смотрел на велосипедиста в кителе, мчавшегося мимо. Верблюд тоже повернул за ним свою змеиную голову и сделал презрительную гримасу. Я невольно залюбовался этой маленькой сценой: медлительная, довольно грязная и оборванная, но величавая Азия смотрела на юркую и подвижную Европу ...» (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 349). Степь (как и весь Восток) в дискурсах русского ориентализма ожидаемо приобретала феминные черты, свойственные обитательницам гарема: нежность, сонливость, леность и неподвижность. Такие черты ментально связываются с образом Азии: «В окнах вагонов безнадежно сучающие лица пассажиров. Д-а-а... Степь-матушка, — говорит один из них, как бы в объяснение и этой смутной истомы» (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 344). При этом культурный ландшафт степи становится выражением национального духа, попыткой осмыслить тайну «русского мира», «русской души», объяснить эту тайну неестественной властью сакрального пространства над человеком.

Е.К. Созина, анализируя образ Степи в творчестве Н.В. Гоголя, А.П. Чехова и Д.Н. Мамина-Сибиряка, отмечает: «...это пространство перехода и инициации <...> она хранит тайну, материально эквивалентную кладам, оставленным в ней древними народами, что делает ее хтоничной и инобытийной, это пространство жизни богатырей (гоголевский мотив), которых теперь уже нет <...> принадлежит главным образом тюркским народам (необязательно кочевникам), но тоже скрывает тайну — „клад Кучума“» [Созина, 2020, с. 103]. Поэтому традиционным в описании азиатской степи также стало любование ее прошлым,

историей, что придавало степи экзотичность, загадочность, но что никак не связывалось с настоящими жителями, где значимым атрибутом пространства становится курган: *«По ней то и дело вставали и тонули такие же курганы и, быть может, в каждом из них сидят и ждут чего-то такие же неведомые воины с глазами впадинами, обращенными к азиатскому востоку, между тем как с запада летит гроыхающий поезд, и сыплет искрами в ночную темноту, и сотрясает старые степные могилы»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 345). Степь воспринимается автором как культурное пограничье двух миров. Степь — дикая, отсталая, но вольная, и Россия — цивилизованная, современная, но несвободная. Имплицитно идет сравнение русской культуры (вестернизированной, агрессивной, подавляющей и рациональной) с «другой» (созидающей и созерцательной): *«...степь с этими красными пятнами вязели, с тихими извилистыми речками, ериками, озерами, всю наполненную еще не переболевшими воспоминаниями о кровавой борьбе на два фронта: киргиз и Азия с одной стороны, с другой — нивелирующий Петербург с ненавистным фрунтовым строем...»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 443). Таким образом, Казахская степь в произведении В.Г. Короленко сохраняет традиционные концептуальные черты, ассоциирующиеся с волей, отсталостью, кочевыми войнами.

Следует отметить, что концепт *Восток* в русском сознании определялся не столько географически, сколько культурно. Ю.Л. Слѣзкин в своей монографии указывает на этнокультурную противоположность приехавших и коренных жителей: «Больше не „иноземцы“, но по-прежнему чужаки, — пока они оставались „неоседлыми“, — эти народы были проблемой для чиновников, миссионеров и интеллигентов, которые стремились определить сущность „русскости“ и „чуждости“ для русских и чужаков» [Слѣзкин, 2008, с. 15]. На рубеже веков уже сформировались конструкты восприятия степи и Азии как локуса, где люди сохранили ветхозаветный, патриархальный образ жизни. У В.Г. Короленко степь тоже изображается как пространство, где люди сохранили ветхозаветный образ жизни: *«Вся картина казалась мне обрывком прошлых времен, отголоском какого-то далекого и давно пережитого быта»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 476). При этом Казахская степь утрачивает прежнюю «враждебность» и воспринимается как относительно безопасное пространство: *«Орда „замирилась“, и от Уральска до Каспийского моря можно теперь проехать без оружия...»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 485). Однако если приглядеться, эти отношения не совсем мирные и носят ха-

рактик скрытого сопротивления. Так, например, в репликах уральских казаков мы все чаще слышим отголоски недоверия по отношению к казахам: «*Кыргыз — человек вредной... <...> Старую кровь вспоминают... <...> — А всё когда-нибудь змея укусит...*» (Там же, с. 387).

Ложные слухи и возникающие на их основе негативные мнения о кочевниках переводят их в «серую» зону как иррациональных и опасных людей: «*Здесь нам рассказали, между прочим, странную степную новость. На днях, будто бы, в Требухинском поселке три казачьи девочки переправились в лодке на Урал, в луга на бухарской стороне, за ягодами. Здесь одна из них наткнулась на молодого киргиза, который лежал под кустом, скинув с себя всю одежду, и глядел на небо. Когда девочка подошла, не замечая его, к этому месту, киргиз, будто бы, вскочил вдруг на ноги, схватил нож и зарезал девочку, почти на глазах у ее перепуганных подруг. <...> Впрочем, когда на обратном пути мы опять ехали через Требухи, то на месте нам сказали, что у них ничего подобного не было*» (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 421). Подобные слухи усугубляли отношения между казахами и поселенцами, приводили к дистанцированию, оправданию и поддержанию умиротворительной имперской политики в отношении инородцев.

Автор приводит воспоминания старых казаков, которые противостоят идее мирного и добровольного присоединения номадов к Российской империи: «*Вот усмирял кыргыз, ай-ай! Бывало, чуть что — берет сотню казаков, айда в степь на аулы ... Он посмотрел на меня, и в старых глазах мелькнул огонек. <...> Ну, казаки аул разобьют, кибитку арканами сволокут, ребятишки и вывалятся, бывало, что тараканы ... — И что же? — Да что: головами об котлы, а то на пики ... Старик говорил просто, все улыбаясь тою же старческой улыбкой ...*» (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 388). Жестокость их по отношению к инородцам объясняется сочетанием в их характере русского и азиатского, которое сохранилось и в фольклоре: «*Взборонена та пашня яровая / Лишь копытами киргизских диких коней, / И засеяна та пашня яровая / Удалых наших казаков головами*» (Там же, с. 481). По мнению писателя, в исторической памяти казахов сохранились факты насилия и убийств, совершенных российскими вооруженными отрядами: «*Память об усмирениях и о взаимной борьбе еще не умерла, и немудрено, что она может порой вспыхнуть в какой-нибудь фанатической голове, как марево в знойной степи. <...> Да, да ... Мечта у них, у кыргыз а-громадная! Вероятно под мечтой он разумел эти еще не замершие воспоминания, питаемые рассказами стариков, преда-*

ниями, песней домрачеев-певцов. Из глубины прошлого они все еще зывают к отмищению ...» (Там же, с. 421).

Кочевой образ жизни казахов, который в основном расценивался как дикий, отсталый, не был поводом для пренебрежения в глазах казаков. Напротив, как видим из отрывка, уральские казаки уважали в казахах-кочевниках способных наездников: *«В это время, трусая на своих поджарых лошадаках, проехало несколько киргиз ... Мне казалось, что сидят они небрежно, некрасиво, без выправки, с поджатыми в высоких стременах ногами. Но старый казак взглянул на них одобрительным взглядом и сказал: — Вот это всадники природные ... Нам не уступят ... — И он внезапно вытянул ближайшую лошадь нагайкой. Лошадь шарахнулась, но всадник и не шелохнулся, точно прирос к седлу. Он оглянулся, понял шутку, и они обменялись несколькими киргизскими фразами ...»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 459).

Из этого можно сделать вывод, что истинной причиной недоверия казаков по отношению к казахам (присвоения им статуса неблагонадежных) стал не «полудикий» кочевой образ жизни, а нежелание казахов интегрироваться, а также статус инородца, который освобождал от службы, частичное и внешнее смирение (мимикрия), но при этом осознание себя угнетенным народом — субалтерном, который может однажды восстать. Вторая причина негативного отношения к номадам — исламская религия (хотя в многочисленных источниках мы находим данные о том, что для казахов была характерна религиозная индифферентность в отличие от других среднеазиатских этносов): *«К киргизам казачье население по старой памяти относится с невольной подозрительностью. Слышно много рассказов о заезжих муллах и ходжах, к речам которых будто бы охотно прислушиваются киргизы»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 448). Подобные слухи были не беспочвенные, так как казахские интеллектуалы рассматривали различные сценарии развития страны. Например, если лидер национального движения «Алаш-Орда» А. Букейханов был настроен пророссийски, то другой политический лидер, М. Шокай, рассматривал панисламский и пантюркистский вектор интеграции [Селиверстов, 2008, с. 167].

Все сказанное позволяет прийти к выводу, что основными «врагами» в успешной инкорпорации кочевников в глазах казаков становятся «певцы-домрачеи» и муллы, которые мешают предать забвению период умиротворения и постоянно пробуждают культурно-историческую память в народе. Как видим из дневников писателя, мысли о путях успешной интеграции казахов-кочевников в общеимперское про-

странство на рубеже веков, в период интенсивной разведки недр степи, имели место в сознании писателя: *«Я думал, что ждет этих детей природы, если мечты Калашиниковых осуществятся, — и какой-нибудь величавый овраг изрыгнет свои богатства, обнаружив какую-нибудь тайну этой почвы. Какой это будет внезапный взрыв и что он принесет с собой этой степи. И лучше ли будет им или хуже?»* (В.Г. Короленко. 1853–1921. Записные книжки).

Таким образом, уральские казаки, принимая непосредственное участие в военной колонизации земель, испытывали чувство антипатии к казахам-кочевникам за их стремление к сохранению идентичности и свободе, что приходило в противоречие с желанием самих казаков быть мало зависимым от царской администрации: *«Это было живое прошлое залитого кровью Урала, строптивая и непокорная боевая старина „сурьезного“ войска, боровшегося целые века за свое исключительное местное значение, за степную волю, против дисциплины и регулярства»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 470).

Последняя глава очерка «У казаков» посвящена собственно жизни и быту казахов. Писатель проявляет интерес к образу жизни кочевников, но, несмотря на мирное их расположение, как описано в очерке, автор все-таки едет к рекомендованному казаху не один, а в сопровождении: *«Но раньше мне хотелось еще, пользуясь положением Илека в непосредственном соседстве с аулами — побывать в гостях у кого-нибудь из киргиз. Мои илецкие знакомые чаще всего называли имя Ирджана Чулакова, бывшего управителя Карачаганакской волости»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 473).

Выбор И. Чулакова не случаен, так как упомянутая личность является представителем элиты, лояльной по отношению к русским. Из текста мы узнаем, что отец Ирджана, перейдя к оседлой жизни, был по-своему реформатором, т.е. с имперской позиции он является образцом успешно интегрированного инородца для остальных кочевников. Самого главного героя переводит в категорию «своих» и то, что в детстве он воспитывался в Оренбургском кадетском корпусе, участвовал на стороне русских в Хивинском походе, за что имеет знаки отличия и награды. Выделяют его также отсутствие явной враждебности по отношению к русским гостям, детали учтивости в поступках. Причем за годы учебы и службы среди русских он, как видим, научился распознавать их социальный статус и в соответствии с этим оказывать знаки внимания: *«Внимательно оглядев нас и как бы взвесив что-то, он подозвал работника и что-то сказал ему по-киргизски»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 475).

Автору, как представителю народничества и либеральной буржуазии, вполне симпатичен инородец, фигура которого *«напоминала скорее солидного степного помещика, отдающего распоряжения по хозяйству, и при взгляде на эту почтенную и даже несколько повелительную фигуру, — мне казалось странным, что мои илецкие знакомые, в разговорах между собой, редко звали его иначе, как уменьшительным Ирджанка...»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 475). При этом В.Г. Короленко не осуждает казаха, состоящего на службе у империи, за феодальную эксплуатацию бедных казахов, он также не разделяет бесцеремонность и высокомерие «русских» гостей по отношению к нему.

Для автора «другие» становятся культурно-психологическим зеркалом, показывающим собственные достоинства и недостатки. Поэтому традиционно создаются образ благородного дикаря, неиспорченного цивилизацией, и образы цивилизованных представителей «русского мира», которые оказались на грани морального разложения: *«— Ну, теперь смотрите, как надо есть, — сказал мне один из илечан. Он засунул всю пятерню в чашку и, захватив полной горстью куски баранины, закинул голову и поднес все это ко рту. Жир стекал ему на бороду, но он ловко хватал ртом куски и облизывал пальцы. При этом он чавкал, чмокал и жевал так громко, что вся кибитка наполнилась этими звуками ... Заметив, что я затрудняюсь последовать этому примеру, Ирджан Чулакович кивнул женщинам, и мне тотчас же подали тарелку с вилкой. — Эх, вы! — укоризненно заметил мне мой руководитель. Он совал пальцы в рот еще дальше и обсасывал их еще громче. <...> от демонстративного „уважения к обычаю“ моего спутника мне становилось неловко. Когда какая-нибудь из женщин семьи, прислуживавших гостям, проходила мимо, то один из торговцев, сильно захмелевший, тянулся к ней замасленными руками и хватал проходившую за талию... Хозяин следил за этими манипуляциями внимательным взглядом, как бы готовый остановить проявление „русских обычаев“ до известной ступени ... Но женщины иногда с улыбкой, а больше частью со спокойным достоинством уклонялись и скользили мимо. Что они сами думали об этих русских обычаях, по лицам сказать было трудно ...»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 478).

В.Г. Короленко понимал, что и высокомерие русских не совсем совпадает с идеей об их цивилизаторской миссии в Азии, декларирующей гуманное, человеколюбивое отношение к аборигенам. Писатель, будучи убежденным сторонником идеи народничества, к тому же во время поездки в Америку воочию увидевший вопло-

щение западных идеалов свободы и уважения к личности, осуждает хамское поведение «русских гостей», которое расценивается как моральное разложение, что в итоге дистанцирует инородцев и препятствует их интеграции.

Признавая цивилизационную дистанцию между русскими и степняками, В.Г. Короленко требует уважительного, снисходительного отношения к ним и придерживается «политики неторопливого патернализма» [Слэзкин, 2008, с. 442]. По мнению Короленко, туземцы, упрямо державшиеся за прошлое, все еще нуждались в цивилизации, и потому цивилизаторская миссия не могла быть полностью отброшена русским повествователем. Писатель становится заложником своих противоречивых чувств: он восхищается «преображенным» инородцем — частным результатом цивилизаторской миссии колонизаторов и одновременно ненавидит Российскую империю за ее «фрунтовый строй». Автор очерка доброжелательно изображает казаха-кочевника, который находился в положении субалтерна, т.е. лица, занимающего нижнее место в социальной иерархии: хозяин и члены его семьи, осознавая это, научились тщательно скрывать свои истинные чувства. Однако не только представители местной элиты в лице главного героя пытаются адаптироваться, но и певец-домрачей, который в предыдущих высказываниях призывал к мщению, перед «русскими» гостями исполняет то, что от него хотят услышать, т.е. об успешно интегрированном соплеменнике благодаря русскому влиянию: *«Мне казалось, что домрачей поет что-нибудь о старине этих степей. Оказалось, что я был далек от истины. В кибитке „нового человека“ орды домрачей пел только о хозяине, о том, что у него есть жалованные кафтан и сабля, что у него много кобыл и кумысу, что к нему приезжают далекие гости из самой столицы...»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 479). Писатель понимает, что мимикрия главного героя все равно не делает его равным «своим» в глазах колонизаторов.

Причина «инаковости» гостеприимного хозяина юрты заключается в недостаточном «обрусении», в ведении кочевого образа жизни, в приверженности своим обычаям, где «традиционное» автоматически расценивается как «пережиток прошлого», проявление «дикости». С другой стороны, его должность волостного управителя, несмотря на этническую принадлежность к угнетаемым группам, делает его в некотором отношении «чужим» среди «своих». Непростая ситуация, в которой Ирджан пребывает, обусловили его натянутые отношения с братом Нурджаном, который не получил российского образования, придерживался традиционных народных взглядов (т.е. находится за пре-

делами модерности), однако на последних выборах волостного управителя одерживает победу.

При имеющихся недостатках, требующих корректировки, автор все же на стороне русской цивилизаторской миссии, кульминацией которой предстает момент облачения Ирджана Чулакова в русскую военную форму: *«В заключение, хозяин, подчиняясь просьбам гостей, надел на себя все регалии. Один из сундуков, стоявших под стенками кибитки, был открыт, и любимица — младшая дочь с гордостью подавала отцу принадлежности жалованного костюма. Через несколько минут Ирджан во всем великолепии стоял посредине кибитки, освещенный двумя свечами, которые держали дочери. На нем был голубой бархатный кафтан, шитый по краям широким золотым позументом, украшенный многочисленными орденами. На шее была надета лента с крестом, в одной руке он держал жалованную саблю, в другой — тоже жалованные часы. Голова степного сановника была украшена необыкновенно грузным сооружением, очень напоминавшим китайскую пагоду с поднятыми углами крыши... Он стоял неподвижно, с сознанием важности всего этого ансамбля, а женщины смотрели на него с восхищением. Снаружи — в приподнятую полу кибитки и в открытый внизу переплет — заглядывали работники и работницы... Самые звезды, казалось, с почтением смотрят на безмолвную картину в круглое отверстие наверху кибитки ...»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 480). Изображенная писателем сцена демонстрирует результат цивилизации аборигенов, успешной их инкорпорации и пробуждения общероссийской гражданственности, которые, разумеется, должны быть преисполнены благодарности и восхищения. Действия главного героя-казаха подобны мимикрии, согласно теории Ф. Фанона, т.е. обусловлены стремлением субъекта обеспечить самозащиту путем зрительного обмана. Волостной управитель одевается в мундир с регалиями и держит в руках подарки царской администрации с целью продемонстрировать свой официальный статус и соответствовать навязанным культурным стандартам для успешной интеграции: *«Чем лучше колонизированный усваивает культурные нормы метрополии, тем больше он отдаляется от своих джунглей. Отказываясь от своей чернокожести, от своей принадлежности к джунглям, он становится белее»* [Фанон, 2020].

Автор, попадая в Казахскую степь, пытается найти общие точки соприкосновения, что позволило бы найти ключ к сближению между двумя народами. Он подробно расспрашивает у главного героя его родословную, интересуется потомками хана Абулхаира, который в свое время сыграл решающую роль в присоединении Казахской степи к Россий-

ской империи. В то же время у автора возникает удивление, что в народной памяти лучше сохранились герои, боровшиеся за национально-освободительное движение, чем ханы, которые сыграли решающую роль в присоединении и добились власти при помощи Российской империи: *«Что касается более отдаленных исторических событий, то в преданиях о них фигуры батырей вроде Сарым-Дача закрывают ханов, которые так или иначе делали историю, сносясь с русским правительством; историческая перспектива давно потеряна, и отражения действительных событий преломляются смутно, неопределенно и порой странно ...»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 477). Судя по приведенной цитате, наблюдается противоречие в позициях автора и респондентов относительно исторических приоритетов: автора очерка больше интересуют личности ханов, сыгравших свою роль в присоединении казахских земель к Российской империи (новая власть по мере своего политического укрепления в регионе поддерживала отдельных представителей лояльно настроенной элиты из числа коренного народа), а простой люд, в свою очередь, возвеличивает батыров, выступавших в роли национальных освободителей.

Воспринимая степь по готовым конструктам, становясь заложником стереотипных представлений и иллюзий, сгенерированных в русской культуре под воздействием цивилизационных идей европейских и русских мыслителей, В.Г. Короленко пытается найти и находит воображаемых «потомков Чингисхана»: *«Не оставалось сомнения: мы проехали мимо аулов последних представителей ханов Аблухаирского рода, может быть, даже потомков Чингис-хана...»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 482). Писатель находит и «заветную» юрту, где *«на полу храпели вповалку потомки грозного Чингис-хана...»* (В.Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 5. Очерки. 1971. С. 483). Автор вполне осознает свой статус гегемона и понимает, что в степи его воспринимают как представителя этноса-колонизатора, имеющего политическую и военную поддержку мощного государства: *«Я приоткрыл полу и заглянул внутрь, но войти не решился, хотя, вероятно, если бы я заговорил требовательно и громко, султаниши и султанята стали бы покорно отвечать на все мои вопросы»* (Там же, с. 483). При этом, осознавая, что бывшая колония и метрополия меняются местами, писатель отчасти легитимизирует присутствие Российской империи, отмечая и положительные моменты ее присутствия в некогда варварской и дикой степи: *«...и степной ветер шептал мне в уши об иронии судьбы, начавшей с грозного Чингис-хана и закончившей мирным составителем прошений на киргизских базарах»* (Там же, с. 483).

На основе анализа одного из литературных произведений В.Г. Короленко приходим к выводу о том, что русский ориентализм позднеимперского периода сохранил свои базовые черты, например амбивалентный образ азиатской степи, как пространства воли, созерцательности, бывшего величия и при этом отсталости, полудикости. Образ благородного дикаря, «сына степи», как культурно-психологическое зеркало, обличающее собственные недостатки. Смена образов от кочевника, склонного к хищническим набегам, до благородного дикаря связан также с целью репрезентации безопасности номадов для внутреннего реципиента. Это позволило бы преодолеть дистанцию между «своими» и «чужими», успешно инкорпорировать инородцев и пробудить в них общероссийскую гражданственность, для этого и приводится отдельный пример инородца, воплотившего в себе эти идеи. Приверженность эволюционистской концепции прямолинейного развития человечества, где казахи-кочевники рассматриваются как один из ранних этапов развития человечества в сравнении с оседло-земледельческим [Бобровников, 2012, с. 270], оправдывала по отношению к ним цивилизаторскую миссию.

При этом в дискурсе русского ориентализма рубежа веков наблюдаются и отличия: например, умиротворенное пространство существенно трансформирует образ степи и казахов-кочевников, выдвигая на передний план не принцип доминирования (как, например, у А.И. Левшина, автора труда «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей», 1832), а принцип гуманизма, который требовал снисходительного и в то же время более внимательного в этнографическом смысле отношения к местным, «полудиким» обычаям туземцев. Прежнее любование Востоком и примерка восточных масок через литературных персонажей воображаемого Востока, столь популярное в культурных кругах Российской империи с XVIII в., на рубеже XIX–XX вв. становится осознанной частью конструирования русской национальной идентичности в творчестве таких писателей, как В.Г. Короленко, которые при помощи восточных концептов задавали гораздо более глубокие цивилизационные вопросы, чем их предшественники. Вслед за территориальным освоением осуществляется культурное «присвоение» внутреннего Востока, формируется неизбежная евразийская модель идентичности путем поиска исторических корней, переосмысления не только европейской, но и азиатской сущности России.

Библиографический список

Алексеев П.В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX в.: от А.С. Пушкина к Ф.М. Достоевскому. Томск, 2015.

Alekseev P.V. Notes on Russian Orientalism as a Phenomenon of Cultural Transfers // Tomsk State University Journal of Philology. 2020. No. 67.

Бобровников В. Что вышло из проектов создания в России ино-родцев? (Ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин России) // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода / отв. ред. Д. Сдвижков, И. Ширле, М., 2012.

Крылов В.Н. Диалог «своего» и «чужого» в американских впечатлениях В.Г. Короленко // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157.

Макарова Е.А. Формирование религиозно-философской позиции В.Г. Короленко (на материале дневниково-эпистолярной прозы) // Сибирский филологический журнал. 2007. № 4.

Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчи-вание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914. // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005.

Селиверстов С.В. Пути интеграции в евразийском регионе в 1917 г.: Г.Н. Потанин, А. Букейханов, М. Чокай // Азиатская Россия во второй половине XIX — начале XX в.: проблемы региональной истории. Омск, 2008.

Скреминская Л.Р. Запад — Восток в духовных и творческих исканиях В.Г. Короленко // Вестник Бишкекского гуманитарного университета. 2003. № 2 (2).

Слезкин Ю.Л. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008.

Созина Е.К. Геопоэтика национального ландшафта в русской литературе // Уральский исторический вестник. 2020. № 2 (67).

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / пер. с англ. П.С. Бавина. М., 2019.

Тишевская Н.С. «Сибирские рассказы и очерки» В.Г. Короленко: контрапункт национальной и региональной идентичностей // Филология и человек. 2013. № 3.

Фанон Ф. Черная кожа, белые маски // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161).

Список источников

- Короленко В.Г. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. Очерки. М., 1971.
Короленко В.Г. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. Рассказы, 1903–1915; Публицистика. Л., 1990.

Короленко В.Г. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. Повести и рассказы, 1879–1888. Л., 1989.

Короленко В.Г. (1853–1921). Записные книжки. URL: <http://bibra.ru/composition/zapisnye-knizhki/>.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1889.

References

Alekseev P.V. *Kontseptosfera oriental'nogo diskursa v rusской literature pervoy poloviny XIX v.* [The conceptual sphere of Oriental discourse in Russian literature of the first half of the XIX century: from A. S. Pushkin to F. M. Dostoevsky]. Tomsk, 2015.

Alekseev P.V. *Notes on Russian Orientalism as a Phenomenon of Cultural Transfers.* In: Tomsk State University Journal of Philology. 2020. No. 67. DOI 10.17223/19986645/67/10.

Bobrovnikov V. *Chto vyshlo iz proyektov sozdaniya v Rossii inorodtsev? (Otvét Dzhonu Slokumu iz musul'manskikh okrain Rossii).* [What came out of the projects of creating foreigners in Russia? (Reply to John Slocum from the Muslim outskirts of Russia)]. In: «Ponyatiya o Rossii». *K istoricheskoy semantike imperskogo perioda/* [«Concepts of Russia». To the historical semantics of the Imperial period]. Ed. by D. Sdvizhkov, I. Shirle. Vol. II. Moscow, 2012.

Krylov V.N. *Dialog «svoego» i «chuzhogo» v amerikanskikh vpechatleniyakh V.G. Korolenko.* [Dialogue of «one's own» and «alien» in the American impressions of V.G. Korolenko]. In: *Uchenye zapiski kazanskogo universiteta.* [Scientific notes of Kazan University]. 2015. No. 157.

Makarova E.A. *Formirovanie religiozno-filosofskoy pozitsii V.G. Korolenko (na materiale dnevnikovo-epistol'noy prozy).* [Formation of the religious and philosophical position of V.G. Korolenko (based on the material of diary-epistolary prose)]. In: *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal.* [Siberian Philological Journal]. 2007. Vol. 4.

Sanderland V. *Russkie prevrashchayutsya v yakutov? «Obynarodchivanie» i problemy rusской natsional'noy identichnosti na Severe Sibiri, 1870–1914.* [Are Russians turning into Yakuts? «The popularization» and the problems of Russian national identity in the North of Siberia, 1870–1914]. In: *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let.* [The Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years]. Moscow, 2005.

Seliverstov S.V. *Puti integratsii v evraziyskom regione v 1917 g.: G.N. Potanin, A. Bukeykhanov, M. Chokay.* [Ways of integration in the Eurasian region in 1917: G.N. Potanin, A. Bukeikhanov, M. Chokai]. In: *Aziatskaya Rossiya vo vtoroy polovine XIX – nachale KhKh v.: problemy*

regional'noy istorii. [Asian Russia in the second half of the XIX – early XX century: problems of regional history]. Omsk, 2008.

Skreminskaya L.R. *Zapad-Vostok v dukhovnykh i tvorcheskikh iskaniyakh* V.G. Korolenko. [West-East in spiritual and creative searches V.G. Korolenko]. In: *Vestnik Bishkekского гуманитарного университета*. [Bulletin of Bishkek Humanitarian University]. 2003. Vol 2(2).

Slezkin Yu.L. *Arkticheskie zerkala. Rossiya i malye narody Severa*. [Arctic mirrors. Russia and the small peoples of the North]. Moscow, 2008.

Sozina E.K. *Geopoetika natsional'nogo landshafta v russkoy literature*. [Geopoetics of the national landscape in Russian literature]. In: *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. [Ural Historical Bulletin]. 2020. Vol. 2(67).

Schimmelpenninck van der Oye D. *Russkiy orientalizm. Aziya v rossiyskom soznanii ot epokhi Petra Velikogo do Beloy emigratsii*. P.S. [Russian Orientalism. Asia in the Russian consciousness from the era of Peter the Great to the White Emigration]. Moscow, 2019.

Tishevskaya N.S. «*Sibirskie rasskazy i ocherki*» V.G. Korolenko: *kontrapunkt natsional'noy i regional'noy identichnostey*. [«Siberian stories and essays» V.G. Korolenko: counterpoint of national and regional identities]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2013. No. 3.

Fanon F. *Chernaya kozha, belye maski*. [Black skin, white masks]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*. [New Literary Review]. 2020. Vol. 1 (161).

List of sources

Korolenko V.G. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. In 6 vols. Ed. by K. Tyunkin. Vol. 5. Essays. Moscow, 1971.

Korolenko V.G. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. In 5 vols. T. 3. In 5 vols. Vol. 3: Short stories, Journalism; Articles; Memoirs of writers 1903-1915. Leningrad, 1990.

Korolenko V.G. *Sobranie sochineniy Povesti i rasskazy, 1879–1888*. [Collected works: Novellas and short stories, 1879-1888]. In 5 vols. Vol. 1. Leningrad, 1989.

Korolenko V.G. *Zapisnye knizhki*. [Notebooks]. URL: <http://bibra.ru/composition/zapisnye-knizhki/>.

Yadrintsev N.M. *Sibir' kak koloniya*. [Siberia as a colony]. St. Petersburg, 1889.